

Лекция 2

Рассмотрение метода как системы указаний и ограничений – это первое, но недостаточное структурное определение. Оно явно фиксирует то, что обычно лишь подразумевается – понимание того, что дорога сама по себе путем не является. Путем ее делает не что иное как система указаний (меток) на порядок и особенности возможного выбранного прохождения. Речь тут идет о возможности и о выборе, что отличает "путь" от установленного "маршрута". Естественным также кажется то, что всякий метод должен к чему-то приводить, что метод должен предполагать достижение некоего результата. Предположение результата следует разобрать особо, в плане присутствующих в нем интуиций понимания. Следует отдельно исследовать действие как то, что обеспечивает наличие результата. Вообще методы должны соотноситься с действиями, поскольку в человеческой жизни то, что имеет результат, понимается как действие.

Само по себе действие никогда не бывает без некоторого инварианта, поскольку изменение без инварианта не рассматривается не только как действие, но и как движение. Замечу в скобках, что здесь я во многом опираюсь на классификацию типов изменений, изложенную в авторском предисловии к книге А.Ф. Лосева "Античная философия истории" (М., 1977г.). Но требование наличия инварианта еще не отличает действия от простого движения. Пополняя набор интуиций, заметим, что в действии начало и конец некоторого процесса связаны какой-то дополнительной связью. Различать и классифицировать виды возможных связей между началом и концом действия можно без конца. Но нас интересует минимальное возможное условие связи, которое вводило бы действие. Мы полагаем, что именно минимальное необходимое условие состоит в том, что некий инвариант сначала приписан к одному месту, а потом – к другому. При условии фиксации такого инварианта как раз и можно сказать, что действие переносит некую структуру из первого места в другое. Другими словами, воспринимая некое изменение в качестве действия, мы должны понимать (или чувствовать, или ощущать), что

есть некая связь между изменением первого объекта и изменением второго объекта. Т.е., по сути, действие – это перенос структуры. Структуру я уже определил в конце предыдущей лекции как организацию типов.

Например: брошенный камень падает в песок – что перенесено в результате удара? Образовалась вмятина. Перенесена форма камня, т.е. перенос прошел структурно – форма камня в искаженном виде присутствует теперь в песке, причем вовсе не был образован второй такой же камень. В зависимости от импульса камня и плотности песка перенос структуры будет разным и вмятина будет лучше или хуже передавать форму камня.

Структуры имеют разные уровни и разноуровневые действия состоят в переносе структур разных уровней. Это замечания об общей структуре акта, но надо сказать, что методы связаны не с любыми действиями вообще, а с действиями субъекта. Камень катится с горы – его движение ассоциировать с методом мы не станем. Почему? Из-за того, что мы предполагаем, что камень не способен выбирать пути. Целеполагающего выбора за камнем мы не видим. Это еще одна особенность структуры метода. Вопрос о методе встает там, где есть выбор пути (греч. *methodos* - путь к чему-либо). Если нет выбора действий, нет и вопроса о методе.

Понятие "выбор пути" позволяет точнее охарактеризовать начальную ситуацию: если у нас есть возможности действий и возможности выбора действий, то может встать вопрос о том, как выбирать действия, и какой путь к результату из этого может получиться.

Теперь рассмотрим общую структуру действий субъекта. Можно выделить такие ее компоненты, как описание начальной ситуации, цель, средства действия и условия действия. В ситуации, где действует человек, мы заранее предполагаем наличие неких целей, условий, средств и результатов. Как они соотносятся? Заметим, что смыслы в ситуациях порождаются действиями – это очень хорошо подтверждается условиями возникновения смысла. Именно: смыслы всегда порождаются глаголами. Точнее, единичные смыслы порождаются существительными, а смыслы ситуативные (а не

единичные) – глаголами, что достаточно хорошо видно в истории языка (я опираюсь на лосевскую классификацию языков: инкорпорированный строй – эргативный строй – флексивный строй). Так, смысл лекции кажется естественным передавать посредством описания предметов как существующих, так и осуществляемых в ходе чтения. Речь идет как о предметах материальных, так и об идеальных. Но существование всегда есть взаимодействие. А передача ситуации как взаимодействия объектов всегда требует глагола, выражающего действие. И это не частное замечание, а общая характеристика построения универсумов. Реальные универсумы строятся или выстраиваются через взаимодействия, и объекты возникают в результате объективации взаимодействий. Объективация однако является гораздо более сложной конструкцией, которую я не буду тут далее конкретизировать.

Что обычно подразумевается в ситуациях, когда действует человек? Это, прежде всего, потребности человека: их можно зафиксировать объектно и тогда их анализ будет объектным анализом, в отличие от анализа целей. Здесь имеет место идеальная детерминация, идеальное определение, состоящее в том, что потребности определяют цели. Это первый план, наиболее явный.

В объективном реальном плане, говоря о действии, нужно указывать на условия, средства и результаты. Сделаем простое универсальное замечание: результаты определяются средствами.

Таким образом, анализируя структуру действия, следует разделять две стороны деятельности человека: идеальную и реальную. В идеальной связи цели определяются потребностями, в реальной – результаты определяются средствами. И отдельный вопрос стоит о связи между этими двумя структурными планами

Сама по себе ситуация не является методом, т.к. ситуация реального выбора отлична от ситуации, когда у нас есть указания на реальный выбор. А метод – это система указаний на выборы. Система указаний – это система, подлежащая семиотическому рассмотрению. Поговорим теперь о семиотической (знаковой) структуре, которая здесь подразумевается. Для этого введем некоторые определения.

Знак – объект, функционирующий в знаковой ситуации.

Знаковая ситуация – это ситуация, в которой реализуются два плана существования посредством следующей конструкции (исторически, в схоластике она описана в концепции двух интенций знака – первой и второй интенций). Есть некое место, занятое объектом, причем этот объект рассматривается в связи с двумя типами существований: а) его непосредственное существование как знака (например, буквы как места на бумаге, определенным образом испачканные типографской краской); б) существование, на которое указывает знак.

Таким образом, с философской точки зрения знак оказывается сложным многоуровневым единством бытия и небытия. С одной стороны, физическое существование знака предполагает наличие "материального тела" знака, причем в наличии может непосредственно не быть того, на что знак указывает. С другой же стороны, то, что представлено знаком, существует для субъекта, читающего знак. И это существование гораздо более актуально для субъекта, чем существование самого знака. Действительно, если знак рассматривают в аспекте репрезентации, представления, то от "тела" данного знака отвлекаются.

По структуре знаковой ситуации различаются три типа знаков:

1. **Сигнал** – объект, представляющий (или указывающий на) другой объект при условии непосредственного наличия этого второго объекта. Пример: поведение курицы при виде коршуна. Если коршуна нет, то она себя так не ведет. Или сигнал поезда (корабля, машины и т.п.), который сигнализирует о своем приближении.
2. **Собственно знак** – когда объект, представляющий (или "указывающий на") другой объект может налично присутствовать при непосредственном отсутствии того, на что он указывает. Тут существенно, что отсутствие денотата возможно, но необязательно. Заметим, что для существования знака необходима знаковая система. Вне знаковых систем, в которых реализуется существование единичных знаков, знаки не существуют. Примером является любое слово в знаковой ситуации, при том условии, что подразумевается существование лжи.

3. **Символ** – это знак в особой ситуации означения, когда он обозначает не некий объект, а правило порождения знаков, смыслы которых центрируются символом (здесь я, в частности, использую функциональную концепцию понимания Э.Кассирера, см. "Познание и действительность"). А примеры символики широко известны. Существует геральдическая символика (напр., лев как символ великодушия, мужества, царственности, силы и пр.). Существует математическая символика, религиозная и т.д.

Что из области знаков должно быть привлечено к анализу структуры метода? Указания на последовательность проведения действий – вещи, которые в первую очередь определены знаковыми структурами. Что фиксируется в этих знаковых структурах?

Рассмотрим идеальную ситуацию простейшего одношагового метода, требующего одного единичного действия для достижения чего-либо. Откуда мы знаем, что у нас есть метод? Благодаря тому, что мы отмечаем в самом начале возможность выбора действия – ведь без возможности выбора метода нет. И этот выбор должен вести к непосредственно отсутствующему результату. Поэтому элементарные методы не то, что напоминают, а просто совпадают со способами решения задач. Задача – это, по определению (Д.Пойа), ситуация, в которой налична ясно видимая, но непосредственно недостижимая цель. Когда речь идет о методологии, понятие цели оказывается более сложным, чем в случае математической задачи, но все же понимание целей оказывается весьма близким.

Начальный выбор должен быть выбором средства. Чем обеспечивается выбор средства из набора средств? Он связан с тем, какую типичную форму имеет результат.

Результат в структуре метода – это цель, он непосредственно не дан. Как его можно представить с точки зрения его типичной формы? Как, определяя то, чего нет, сделать нечто отсутствующее критерием выбора? Это возможно лишь потому, что у нас имеются некоторые способы типичных связей, действия, которые включают наши средства и приводят к цели. Финальная связь должна быть именно типичной, т.е. она должна в принципе организовать результат. Значит, мы должны опираться на представления о некоторой организации

результата и, исходя из этого представления, выбирать те средства, которые в данном материале способны организовать именно такой результат.

Эта базисная структура, лежащая в основе методологии и будет предметом нашего дальнейшего рассмотрения. Цель связана с типичной структурой, метод предполагает типичный результат.

Именно этим отличаются методы. Приведем примерную таблицу типов методологических результатов:

- структурный – результат должен быть представлен в виде структуры;
- системный – результат должен быть представлен в виде системы;
- классифицирующий – результат должен быть представлен в виде классификации;
- морфологический – результат должен быть представлен в виде описания формы и составляющих ее компонентов (частей);
- генетический – результат должен быть представлен в виде описания генезиса объекта;
- феноменологический – результат должен быть представлен в виде описания структуры наличной данности явления, распределенной между регионами бытия.

Непосредственным условием осуществления базисной связи между условиями выбора и средствами является различие объектов разных типов существования. Какие непосредственные условия осуществления базисной методологической связи между ситуацией начала и ситуацией результата? Имеются условия, средства и выборы. Различим объекты разных типов существования. Здесь требуется проводить тонкую, кропотливую и, по-видимому, не вполне еще ясную работу. Скажем, критерии выбора. С точки зрения непосредственного существования критерий существует по-иному, нежели объект, к которому он применяется, и по-иному, чем признаки объекта или различия признаков. В реальной научной работе все эти уровни имеют своих представителей. Должны быть различия и критериев. Это относится к логике исследования. Здесь мы еще ближе к методологии.

Условия, в которых мы начинаем – это некоторая совокупность разнотипных существований. Средства – это способы перехода, реализации чего-либо. Что можно реализовать с помощью средств?

Всякое средство опосредует. Это очевидно. Для примера возьмем ноги как средство передвижения. Что они опосредуют? Я сижу – функция ног, как средства передвижения, не реализуется, я их не использую. Встаю, хожу по аудитории. Начинается реализация ног как средства передвижения. При этом происходит перемещение. Заметим, что сам по себе акт реализации еще не определяет полностью результата. Результат определяется, так сказать, контекстуально, из взаимодействия с другими значимыми компонентами взаимодействия. Неоднозначность определения результата действием проистекает из уже установленного нами различия условий существования объектов. В ситуации лекции передвижение характеризует некий способ поведения: сцепив руки за спиной, я могу изобразить, прохаживаясь, нечто платонически-академическое. Здесь передвижение – средство, иллюстрирующее что-либо, педагогический или лекторский прием. Но я могу передвигаться и с целью достичь куска мела. Это действие реализует новый объект – "Я \oplus мел". Получается, что один и тот же объект может быть средством в рамках разных типических единств. При этом он реализует целостности различных типических единств.

Всякое средство реализует целостность. Опосредование – это всегда установление некой связи, а тем самым единства различного. И всякое средство реализует новую целостность. Непосредственная форма такой реализации – процесс. Здесь возникает проблема объективации (возникновения объекта). Маркс говорил, что процесс в результате угасает. Когда возникает результат, процесса уже нет, есть другой тип существования. Например, если я вырезаю деревянную ложку, то ложка – как результат этого процесса – по типу существования представляет собой совсем иной объект, нежели движение моей руки вместе с ножом вокруг деревяшки.

Средства – это всегда способы реализации временного, преходящего единства, направленного на установление других типов единств. Эта структура позволяет понять, почему сложно объяснять

методологию. Результаты всегда в свернутом виде содержат информацию о том пути, который удалось пройти. В этой связи можно указать еще на одно наследие марксистской методологии: логика исследования не совпадает с логикой изложения. Это положение, кстати, проливает свет на стандартные проблемы написания диссертации, возникающие у аспирантов и иных соискателей.

Реализация некоторого объекта с помощью определенных средств происходит в соответствии типологией, соответствующей этим средствам. Напомню, что тип объекта – это его принципиальная структура. Как же определяются результаты? Чтобы нечто стало результатом, необходимо, чтобы оно было итогом некоторой деятельности (действия) и имело относительно самостоятельное существование. Заметим в сторону, что относительность является формой требования реальности существования в мире, поскольку абсолютно самостоятельные вещи из мира выпадают – они недостижимы никакими взаимодействиями этого мира.

Разные методы в одной и той же ситуации могут как фиксировать наличие результата, так и не фиксировать его, поскольку типы существования, предполагаемые в методе, различны.

Например, для структурного метода результатом является инвариант, что не является результатом для морфологического метода. И точно так же, с точки зрения системного подхода, структурализм дает сырой, необработанный материал. Так мог бы сказать любой немецкий философ-классик типа Гегеля, Фихте или Шеллинга, фиксируя отсутствие системы у структуралистов вроде Леви-Строса. Результаты структурного метода видны по совокупности, и часто их сложно обнаружить в отдельной науке.

Как определить самостоятельность объекта? К примеру: если магнитофон – это объект, то где он кончается? Я имею в виду, относится ли к магнитофону пыль на деталях внутри его корпуса? Или иной вопрос: относятся ли к магнитофону характеристики воспроизводимых им звуков? Объективно, т.е. независимо как от субъективной позиции, так и от предметного аспекта, мы этого определить не можем. Отсюда вывод: нечто является объектом только

в некоторой системе взаимодействий. Меняя систему взаимодействий, мы меняем объектные компоненты.

С вопросом о самостоятельности объекта связаны такие черты науки, как переход от эмпирического уровня к теоретическому, переходы между различными теоретическими уровнями и проч. Как осуществляются переходы? Выделяются элементы, рассматриваются отношения, свойства и т.д. В принципе выделение любого элемента, отношения, свойства как объектов меняет систему непосредственно предполагаемых взаимодействий и тем самым меняет тип существования.

Вернемся к вопросу, несколько переформулировав его. Благодаря чему можно выделить что-то как объект?

Указывая пальцем на шкаф, я указываю пальцем на некое место, но не на шкаф. Точно так же я могу показывать на замочную скважину в дверце шкафа. Благодаря чему я указываю на шкаф? Я говорю, что это шкаф. Я называю. Тем самым я типизирую. Я показываю на шкаф – это одно указание. Тем же жестом я показываю на форму шкафа, и это другое указание. Подразумевается другой тип объекта, другой тип существования. И с методологической точки зрения в каждой конкретной ситуации первично именно название. Это онтологическая первичность, всегда предполагаемая в акте представления. Называние делает доступным для представления (т.е. для модели) и операбельным тот объект, с которым мы имеем дело. Я понимаю при этом первичность "называния" не в том смысле, что какой-то бог называет объекты, и они становятся сущими, а в том, что они есть в представлении, поскольку они посредством тех или иных актов не только входят в реальность как части этой реальности, но и воспроизводятся в ней. Таким образом, онтологический аспект указания как представления состоит в самостоятельности объекта.

Что значит быть самостоятельным? – Это значит воспроизводить некоторые предпосылки своего существования. Это вроде бы очевидно, но есть психологический закон восприятия: труднее всего увидеть очевидные вещи. Я называю и это очевидно: вот – тетрадь, а вот – лист, но непонятно, как именно отделить лист, с одной стороны, от тетради, а с другой – от места, в котором он имеет

свое существование. А я ведь указываю именно на лист, а не на тетрадь и не на место, в котором он есть. Если тетрадный лист вырвать, то он станет вроде бы более самостоятельным объектом. Но это реальное разделение само по себе не добавляет ясности в вопрос о самостоятельности его существования.

В принципе, имеется базисная система предпосылок действий и она фиксирует некую структуру мира, но ее выделение – непростая задача. И так, именование – это, во-первых, фиксация некоторого типа объекта, во-вторых, установление имени как знака сразу в двух типах существования. Так, я говорю, указывая на стол, не о столе вообще, а о конкретном столе, но совмещаю это с подразумеванием (т.е. практическим указанием) его типичной организации как стола, а не куска дерева. Поэтому указание всегда совмещает и некую типологию, и некую феноменологию.

Обратимся к ряду понятий, которые связаны с феноменологией. С моей точки зрения разные философские подходы – а в их числе и феноменология – ценны тем, что в их рамках фиксируются средства работы с разными сторонами реальности. Х.Ортега-и-Гассет, относительно менее известный, чем Э.Гуссерль, сформулировал вполне прозрачную (на мой взгляд) систему феноменологии, которой мы и будем далее придерживаться. Она изложена, к примеру, в работе "Человек и люди" (напр., в: Х.Ортега-и-Гассет "Избранные труды", М., 2000, с. 480-698).

Феноменология связана с феноменом (локальным событием) и описывает структуры явления вообще. Явления вообще рассматриваются как существующие и реализующиеся здесь и сейчас, как данность. Явления различаются в феноменологии как некая структура реальности. А реальность понимается как нечто неотменимое, как все, с чем я вынужден считаться. Ортега-и-Гассет утверждает, что есть изначальная реальность, данная непосредственно в актах. Но, помимо этой реальности, есть и иные реальности, которые, чтобы стать реальными, должны в ней проявиться. По отношению к этой изначальной реальности могут осуществляться реальности разных степеней. Он сравнивает реальность с ожогом. Если я нечто ощущаю как ожог, как выстрел в упор, то это реальность.

Подобно ожогам, реальности бывают 1-й, 2-й, 3-ей степени, но можно предполагать и более высокие (или глубокие?) степени.

Ортега-и-Гассет приводил следующие примеры. Пример 1. Мода (как мир моды). Чтобы реализовать существование фасона, вкуса, нового, – необходимо быть в контакте с типичным для мира моды сущим, должны реализоваться типичные для этого мира предметы и отношения. Пример 2. Армия. Обычные люди в армии ведут себя иначе, чем на "гражданке", в их отношениях реализуется нечто иное, иногда совпадающее с гражданским, но имеющее в сущности иной реальный смысл, вроде приказа, дисциплины, координации действий, тактики, стратегии и проч. Пример 3. Скачки. Непосредственно видно, что бегают лошади в определённом огороженном месте, люди стоят и сидят, передают бумажки друг другу, разговаривают и жестикулируют. Все эти действия без предположенной системы соответствующих существований (ставки, букмекеры, правила скачек, информация о лошадях и т.д.) не реализуют именно мир скачек. Интересен вопрос: насколько реальны эти "реальности"? Предварительно можно ответить так, что в настоящее время футболисты или жокеи – это не временные образования, они в своих мирах живут, и для них это – реальность. Так же своя, но иная реальность есть и у болельщика-фаната на стадионе. Но для нас более существенный интерес представляет то замечание Ортеги, что миры, связанные с пересечением реальностей, имеют структурные законы.

Первый структурный закон состоит в том, что жизненный мир состоит из небольшого числа вещей, которые в данный момент присутствуют и бесчисленного множества вещей скрытых, о которых мы знаем или верим. Например, там, за дверью, есть коридор, но здесь непосредственно он не присутствует. Абстрактно говоря, "звуки оттуда" могли бы быть и звуками магнитофона, и чревовещанием.

Согласно второму структурному закону, мир выстроен так, что вещи, на которых сосредоточено внимание, всегда сосуществуют с фоном (в гуссерлевской версии феноменологии фон называется "горизонтом").

Таким образом, структура непосредственного, феноменального присутствия в мире включает в себя: 1) кого-то, чей это мир; 2) непосредственное присутствие вещей, которые наличествуют (они делятся на собственно вещи и горизонт); 3) непосредственное сопричастие тех вещей, которые предполагаются структурой мира, но непосредственно не даны.

Далее получается, что мир строится по законам перспективы, т.е. взгляда, исходящего из какой-то позиции. Мир также имеет определенные условия, средства и ограничения реализации. Все миры организованы в прагматические поля.

А как это соотносится с методологией? Что есть, когда есть метод? Мы уже знаем, что в этом случае есть а) тип результата и б) средства, которые мы должны использовать. Нужно фиксировать структуру нашего отношения при получении результата. Эта проблема имеет достаточно хорошо выражаемое в терминах методологии строение – строение вопроса.

Во-первых, во всяком вопросе есть или предполагается констатирующая часть, которая относится к "месту здесь", т.е. результат должен появляться в том месте, где он нам может быть феноменально дан (здесь естественно вспомнить важнейшее методологическое указание А.Пуанкаре: находясь в одном месте, нельзя непосредственно воспринимать нечто, находящееся в ином месте, как "одновременное"). Тут предопределена структура места "здесь", как места, где должна ощущаться данность результата. Невозможно ставить проблему и полагать, что результат, как ответ, существует где-то, где его невозможно воспринять. Для восприятия результата необходимо предположить "место здесь", в котором результат будет дан.

Во-вторых, вопрос фиксирует также способы некоторой данности результата. Эти способы данности со времен Аристотеля называют "категориями". Что такое категории по Аристотелю? Это набор вопросительных слов греческого языка: "что?", "где?", "когда?", "каким образом?", "сколько?", "в каком отношении?" и так далее (всего их десять). Интересно, что любой язык содержит аналогичные структуры, причем в разных языках они могут быть более или менее

развиты. К примеру, в европейских языках разделение временных и причинных структур произошло в 15-17 веках. До того в них были попросту грамматически не зафиксированы соответствующие категориальные структуры. Так, в русском языке можно говорить о причине в терминах изначально пространственных, имеющих смысл места: "почему", "из-за чего" или "почто".

Вопрос задает с помощью категорий некоторую предположительную структурированность ответа. Я не могу ответить на вопрос "где?" словом "семь" или выражением "тридцать два" (если дополнительно не уточнять или контекстуально не определять, что, скажем, "7" - это номер дома). Без (пред)определения в жизненном мире структур, по отношению к которым имеет смысл ответ, не имеет смысла вопрос. Структуры жизненного мира должны быть предположены. Именно категории фиксируют эти начальные структуры, которые заданы структурами взаимодействия объектов мира. Когда мы задаем вопрос, мы переносим структуры взаимодействия, предположенные нам в жизненном мире, как структуры предположения, в мир ответа.

Вопросы, с точки зрения знаковой, могут относиться как к тому, что не имеет типичного означения, так и к тому, что обладает типичным означением.

Пример. Обезьяны, которых научили использовать набор карточек для представления. Одна обезьяна, глядя на самолет, соединила карточки "железная" и "птица". Этот факт говорит о том, что новое означение реализовано по формуле: возможное старое – типичное.

Реальные структуры существования – это структуры воспроизводства, причем какая-либо структура может возникать в разных структурах воспроизводства, скажем, структура знака или структура означения. Вопрос в том, на основе чего воспроизводится существование. То, на основе чего воспроизводится существование человека, и делает его специфическим существом.

При этом структура вопроса подразумевает то, что сосуществует, но не соприсутствует. Если бы нечто искомое имелось в непосредственно доступном для нас (или, говоря словами

М.Хайдеггера, "подручном нам") наличию, не нужно было бы задавать о нем вопрос.

Выражение в вопросе представления о типе предмета, наряду с самим предметом, насущная и естественная потребность человеческой жизни.

Вопрос всегда имеет две интенции (направленности) – на содержание знака и на наличие знака. Таким образом, в структуру вопроса входит интенция наличия знака и предположенная реализация знака. Это то, что существенно отличает вопрос от побуждения. Я могу кого-либо телесно принуждать что-то сделать и эта форма взаимодействия не будет вопросом. Вопрос ведь подразумевает знаковую форму своей реализации. Этот важный момент объясняет, почему так важна семиотическая компонента в методологии. И содержание, которое соотносится некоторым образом со знаками и вопросами. Зачем мне нужно реализовывать некое содержание, которое реализуется в ответ на вопрос? С одной стороны содержание, может быть, уже есть, как некий материал жизни: а что тут вопросы задавать, смотри, живи и т. п. Но методологическая, научная компонента как раз направлена на установление знаков, меток, путей, которые фиксируются именно знаковыми способами. Это существенное своеобразие методологии – важная компонента, и на нее мало обращают внимание традиционные методологии, которые обычно сворачивают либо на проблему логики вообще, либо центрируют внимание на каком-либо частном определении. А знаковые структуры с их спецификой при этом обычно не выявляются.

Таким образом, вопрос содержит в себе три методологические компоненты, а именно: означение, категориальные структуры и тип результата.

Благодаря чему происходит сложение разных сторон: логической и методологической? Логика – это всегда нахождение связей, в принципе, логика и есть ничто иное, как связь. Это отчетливо видно в таких часто встречающихся в связи с логикой выражениях как "система правильных рассуждений", "связь суждений" и проч. Исходя из такого понимания, естественно полагать,

что существуют разные логики, а не одна универсальная логика (одна-единственная система правил). И это действительно так. Современные взгляды на этот вопрос заключаются в том, что не существует универсальной методологической предметной логики, т. е. вывод о различных логиках правомерен, и тем самым логика – это некоторые связи указаний.

Что такое логика в представлении какого-либо фрагмента мира? Это система указаний на материальную структуру представляемого мира (тут я использовал чуть-чуть изменённое определение логики, высказанное и используемое программистами). В принципе, все логические исследования происходят *post factum*. Допустим, мы провели некое исследование и теперь его надо оформить. Оформление должно быть логично, т. е. связно. У нас уже есть материал, есть содержание, нам надо установить связи этого содержания. Поэтому из того, что реализуется, ничто не может быть нелогичным само по себе, оно может быть нелогичным лишь в отношении к какому-то реализованному фрагменту. В этом случае не устанавливается связи в определенном отношении к этому фрагменту.